Глава 380: Сбор зерна (1)

Плохая погода, суровый климат и география земли означали, что северная граница не подходит для посадки зерен. Даже если они попытались посадить что-то, урожай был бы мрачным. Вот почему отвратительная китайская оливковая каша была так драгоценна для людей, проживающих здесь.

Поскольку зерновые культуры не могли выжить на северной границе, фруктовые деревья были просто мечтой.

Еще была и зима. Даже в столице типы фруктов, доступных в середине зимы, были всего лишь замороженными грушами или мандаринами.

Даже Чу Лянь, которая, казалось, приготовила для себя всю кладовку, не привезла с собой никаких свежих фруктов. Когда она жаждала каких-то фруктов, самое большее, что она могла сделать, - это есть засахаренные кумкваты.

Таким образом, когда Сима Хуэй подала этот сочный и сладкий сахарный тростник, она была поражена роскошным удовольствием.

Чу Лянь прекрасно знала, что сейчас едят солдаты в лагере.

Когда Сяюй увидела, как Заслуженная леди Цзиньши смотрела на белое фарфоровое блюдо, полное сахарного тростника, она улыбнулась и объяснила: «Генерал привезла их из Су Сити. Поскольку погода не очень хорошая, немного сахарного тростника было испорчено морозом. Здесь единственное, что осталось у нас.

Когда Чу Лянь услышала это, ей больше не хотелось есть. Она подтолкнула блюдо к Симе Хуэй. «Было непросто сохранять этот сахарный тростник так долго. Сестра Хуэй, вы должны кушать его вместо меня.»

Сима Хуэй мягко улыбнулась и сказала: «Мне не нравится есть сладкие вещи. Лянь'эр, съешь это. Единственная причина, по которой у меня они есть, это то, что в Су Сити был обильный урожай сахарного тростника. Я купила их, проходя мимо с моими подчиненными. Если ты чувствуешь себя обязанной, тогда можешь сделать соленые закуски для меня.»

У Чу Лянь действительно была тяга к сладкому, как видно из того, как она всегда пила медовую воду без каких-либо намеков на усталость.

Поскольку Сима Хуэй уже объяснила свои причины, было бы невежливо отказаться. Губы Чу Лянь скривились в улыбке, и она сказала: «Поскольку сестра Хуэй уже предложила его мне, я не буду церемониться.»

Чу Лянь использовала зубочистки рядом с блюдом, чтобы взять кусочек и положила его в рот. Сахарный тростник хорошо сохранился, и он все еще был очень сочным. Она тщательно пережевывала его, вылавливая сладкий сок и наполняя рот его неповторимым вкусом. Этот вкус полностью отличался от употребления засахаренных кумкватов.

Чу Лянь быстро съела пять кусочков. Хотя ее действия были не такими элегантными, как у благородных женщин, то, как она ела, заставляло кого-то смотреть, как она тоже голодает! Когда Сима Хуэй увидела, как счастливо она ела, она взяла кусок сахарного тростника и тоже съела его, хотя обычно ей не нравились сладкие вещи.

Таким образом, сцена, которую увидел Хэ Чанди, когда он вошел в палатку, была его дорогая жена, сидевшая за столом и счастливо грызшая сахарный тростник!

Конечно, сцена не была полной без Симы Хуэй, с теплым и нежным взглядом глядящей на Чу Лянь.

На столе была маленькая тарелка, куда Чу Лянь выплюнула остатки сахарного тростника после их пережевывания. Количество месива было похоже на шип в глазах Чанди.

Теперь мешок сахарного тростника, который он нес на спине, стало трудно отдать.

Когда Лайюй последовал за своим молодым мастером в палатку и был встречен той же сценой, он был напуган и полон сожаления.

Почему третья молодая мадам имела сахарный тростник в палатке генерала Симы? Если бы он принес вместо этого немного фруктов! Почему он должен был принести именно сахарный тростник?!

Хэ Санланг пришел довольно резко. Он вошел, не дожидаясь охраны снаружи. Только после того, как он зашел, вошла женщина-охранник, чтобы сообщить о своем провале, все время дрожа. Сима Хуэй махнула рукой и отправила охранника без какого-либо наказания.

Щеки Чу Лянь слегка подтянулись, так как она не закончила пережевывать кусок сахарного тростника во рту.

При виде Хэ Чанди она моргнула и уставилась на него. Пища в ее рту заглушала ее слова, и то, что вышло, звучало так: «Хэ Цзанди, почему ты здесь?»

Санланг повернулся и бросил сумку в руки Лайюй, а затем снова повернулся к Чу Лянь. Скорее грубо говоря, он сказал: «Что? Разве я не могу взглянуть на свою жену?»

Чу Лянь нахмурилась и выплюнула кусочки сахарного тростника изо рта. Она была очень раздосадована. Что случилось с ее сумасшедшим мужем?

Глаза Чанди сдвинулись к столу не слишком далеко от него. Он заметил, что там было несколько видов прекрасных кондитерских изделий, и из этих кондитерских изделий он понял, что раньше не ел их. Ему даже не нужно было думать, что они определенно были сделаны Чу Лянь или одной из ее служанок. Как у ее мужа, даже у него не было возможности попробовать никакие из них, - и все же Чу Лянь достала их сейчас, чтобы предложить Симе Хуэй!

Когда гнев внутри него стал расти, выражение его лица стало еще холоднее. Хэ Чанди подавил разочарование в своем сердце и сказал: «Поскольку вы кушаете и хорошо пьете, я сейчас уйду!»

Хэ Санланг ушел так же поспешно, как и пришел. Прежде чем Чу Лянь могла даже сказать слово, он уже выскочил из палатки и ушел...

Короткий обмен между парами оставил Симу Хуэй в шоке. Угол ее губ потянулся вниз с сочувствием, когда она повернулась к Чу Лянь и сказала: «Лянь'эр, эм, тебе нужно пойти за ним?»

Чу Лянь закатила глаза. С чего бы она должна его преследовать? Неужели Сима Хуэй каким-то образом сыграла свою роль? Почему она, как женщина, должна гоняться за своим глупым мужем?

«Нет необходимости. Он всегда был таким.»

Лайюй все еще был в палатке. Когда он услышал ответ своей молодой мадам, угол его рта дернулся. Он не хотел, чтобы усилия его хозяина пошли впустую, поэтому он намеренно позволил одной стороне мешка скользить, показывая сахарный тростник внутри. Затем он с обеспокоенным лицом повернулся к Третьей молодой мадам и начал говорить: «Третья Молодая Мадам, это...»

Чу Лянь не была слепой. Лайюй был слишком очевиден в своих действиях, поэтому она определенно увидела, что находится внутри сумки. Ее губы потянулись вниз, и она казалась немного беспомощной, когда она сказала: «Просто иди назад. Я навещу его позже.»

Получив обещание Чу Лянь, Лайюй изобразил глупую, яркую улыбку. Он почтительно поклонился ей, а затем повернулся и ушел.